

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 82-4

DOI 10.17223/19986645/19/11

П.П. Каминский**ПОЭТИКА ОЧЕРКА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЗАЛЫГИНА**

В статье анализируется поэтика очерков С.П. Залыгина «Весной нынешнего года» (1954) и «Пробуждение великана» (1959). В анализе реконструируется картина мира писателя на раннем этапе творчества, рассматривается система его представлений о человеке, обществе и природе, задающих исходный момент эволюции мировоззрения.

Ключевые слова: С.П. Залыгин, очерк, поэтика, картина мира.

К жанру очерка С. Залыгин обращается в 1950-е гг., когда в 1954 г. в «Новом мире» публикуются очерки «Весной нынешнего года» (в книжных изданиях – «Весной 1954 года») [1], а в 1959 г. выходит книга очерков о Китае «Пробуждение великана» [2]. Оба цикла – важный этап в становлении художественной системы С. Залыгина, их поэтика воплощает мировоззрение и эстетику раннего этапа творчества [3–8].

Картина мира, воплощенная в поэтике ранних очерков С. Залыгина, типологически не отличается от очерка 1950-х – начала 1960-х гг. («Современники» Б. Полевого, «Новый горизонт» И. Рябова, «Во имя будущего» Б. Галина, «Районные будни» В. Овечкина и т.д.), а пафос соответствует общественной атмосфере эпохи: реальность предстает как социальная и общественно-публичная, осмысливается как реальность общего дела и раскрывается этически через отношения между персонажами. Общее дело в духе официальной идеологии и эмоциональной атмосферы времени понимается как построение совершенного общества. В сюжетных коллизиях исследуется процесс нравственного самоопределения человека в отношении сверхличного целого (коллектива). Причастность / непричастность к нему составляет критерий авторской оценки героев. Личность обретает ценность только через коллектив и в коллективе, придающем смысл индивидуальному существованию. Природная реальность предстает как пространство, в котором разворачивается социальное действие, и осмысливается как объект технологического преобразования.

Генетически такая картина мира восходит к очерку 1930-х гг., когда задачи форсированной модернизации страны требовали изображения эпического состояния мира с его пафосом борьбы и преодоления («Секретарь партколлектива» Вл. Ставского, «Мастера» Б. Горбатова, «Весна в забое» Б. Левина, «На лесах Магнитки» С. Нариньяни, «Испытание» Б. Галина, «Люди побед» А. Аграновского, «Письма о Днепрострое» Ф. Гладкова и т.д.). С середины 1950-х позиция автора лишается догматизма и воинствующей нетерпимости

и тяготеет к аналитизму, исключается образ врага, а нормативность поэтики, отражая противоречивость сознания периода «оттепели», сохраняется «по инерции» и постепенно преодолевается¹. В очерках 1950-х гг. С. Залыгин фиксирует переходный характер социальной жизни и основную тенденцию времени – преодоление недостатков (несовершенства) ее прежнего устройства.

В «Весной нынешнего года» воссоздается социальная ситуация в деревне середины 1950-х гг.² Пространство и фабульная ситуация – условные (вымышленная топонимика, имена действующих лиц): социальные процессы, происходящие в локальном пространстве Юдинского района накануне посевной, изображаются как типические, отражают общие тенденции преобразования сельского хозяйства, инициированные решениями партии, и осмысляются как восстановление в социальной практике идеалов общего дела, девальвированных в прежних условиях. Предмет «Пробуждения великана» – глобальное преобразование жизни в Китае, начало которому кладет «Освобождение» – свержение Гоминьдана в ходе гражданской войны 1946–1949 гг. и провозглашение Китайской народной республики (1 октября 1949 г.)³.

Преобразования в КНР рассматриваются на трех уровнях. Во-первых, технологическая модернизация: строительство промышленных гигантов, транспортной инфраструктуры, гидроэнергетики. Во-вторых, социальная модернизация: преодоление национальных и классовых противоречий (пережитков феодализма, элементов рабовладельческого строя), выравнивание уровня социального и культурного развития народов Китая. В-третьих, обновление общественного сознания, преодоление последствий многовекового угнетения, что, в свою очередь, выступает условием технологической и социальной модернизации. Решению этой триединой задачи служат организация системы образования и науки (вузов и техникумов, проектных институтов), новая литература, восстановление памятников историко-культурного наследия. В китайских реформах С. Залыгин видит «мирный переход к новому обществу» – скрыто противопоставляет этот опыт «мягкой» модернизации (без обострения классовой борьбы, репрессий) – сталинским «пятилеткам».

Фабула «Весной нынешнего года» раскрывает конкретную хозяйственную коллизию. Удобрение полей, организуемое директором Буяновской МТС Башлаковым, предстает как общее дело, цель которого не только государственное благо – повышение урожайности (преодоление дефицита продо-

¹ «Взаимодействие строгих идейных постулатов и духовного обновления, политического давления и личного восприятия действительности» [9. С. 187].

² С 1953 г. в ходе государственных преобразований после смерти И. Сталина намечаются перемены в сельском хозяйстве. На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС говорится о замедлении темпов развития сельскохозяйственного производства, которое объясняется нарушением принципа материальной заинтересованности колхозов и колхозников в результатах своего труда. По инициативе Н. Хрущева принимается ряд административных мер по выводу сельского хозяйства из затяжного кризиса.

³ Время путешествия С. Залыгина по Китаю, которому соответствует фабульное время, – конец 1956 г. В истории КНР это время завершения первой пятилетки (1953–1957 гг.). При активной поддержке СССР в Китае создаются все базовые отрасли промышленности (индустриализация), проводится аграрная реформа (коллективизация). Социалистическое строительство осуществляется по советскому образцу.

вольствия в стране), но и благо коллективное – повышение благосостояния колхозников и работников МТС.

В «Пробуждении великана» нет единой фабулы, а целостность цикла организована предметом (Китай), сменой позиции рассказчика (перемещение в пространстве)¹ и единством его оценки. Каждый из очерков воспроизводит наблюдения автора-персонажа на определенном этапе маршрута, моделирует локальные ситуации, отражающие в своем целом эпохальную картину преобразования, строительства идеального общества.

Предмет изображения и содержание фабулы определяют систему персонажей и сюжетные коллизии. Переходное состояние жизни в очерках 1954 г. требует от человека нового самоопределения в пространстве общего дела. По характеру отношения к нему выделяются несколько типов персонажей.

Первый тип, к которому относится Башлаков, обладает изначальной определенностью. Персонажи второго типа даны в момент кризиса, разобщения личности и социума. Они либо приобщаются к общему делу в ходе активного самоопределения (бригадиры Буяновской МТС Мохов и Еремеев, первый секретарь Юдинского райкома Фоминых), либо отчуждаются от него (бывший директор Веселовской МТС Пислегин). К этим персонажам примыкают персонажи второго плана, становление которых завершается к моменту фабульного времени (зональный секретарь райкома Поздняков) или не входит в поле зрения автора (председатель колхоза «Большая поляна» Паустов, директор Красненской МТС Краев и др.).

Образ Башлакова – традиционный для «сельского» очерка тех лет образ хозяйственного руководителя нового типа (В. Овечкин, А. Калинин, А. Колосов, Г. Троепольский, В. Тендряков и т.д.)². Башлаков проявляет инициативу, несмотря на риск срыва посевной, и действует вопреки ограничениям, установленным в директиве «о трех тракторах», – способен взять на себя личную ответственность за результат, которая понимается им как ответственность перед государством и перед своими подчиненными. Опору Башлакову обеспечивает коллектив. Одинаково требовательный как к другим, так и к себе, он выстраивает отношения с людьми, основанные на взаимном доверии – объединяет их в пространстве общего дела. Башлакову не свойственны противоречия личного и общественного, его жизнь всецело подчинена достижению общего блага, что определяет эпическую цельность героя. В системе персонажей он занимает центральное место, выступая в роли морального авторитета; объединяет все сюжетные линии, остальные герои раскрываются во взаимоотношениях с ним.

Кризис, переживаемый персонажами второго типа, выявляет ложность (Пислегин, Паустов) или недостаточность (Мохов, Еремеев, Фоминых) прежних способов социального существования, мотивированных несовершенством системы социально-экономических отношений села. На уровне руково-

¹ Пекин – Ханчжоу (провинция Чжэцзян) – провинция Хэбэй – переезд на юго-запад Китая, в Куньмин (провинция Юньнань) – плавание по Янцзы от Чунцина (провинция Сычуань) до Уханя (Ханькоу).

² «...В журналистике в качестве образца, достойного подражания, появился тип хозяйственного руководителя – честного, добропорядочного, человека дела, ставящего интересы общества, государства выше личных и ведомственных» [10. С. 205].

дителей среднего звена ее недостатки иллюстрируют коллизии Пислегина, Паустова и Фоминых; на уровне руководителей низового звена и рядовых работников – Мохова и Еремеева.

Как руководитель, Пислегин обладает бесспорными деловыми качествами, в прошлом имеет значительные заслуги (партизан в годы Гражданской войны, стоял у истоков колхозного движения, возглавлял первую в области МТС, вывел ее в передовые), но все достоинства и достижения обесцениваются, когда действия директора вступают в противоречие с задачами общего дела. Подход Пислегина к руководству – местнический, основывается на подмене государственных интересов благом своей МТС. Еще с войны развитие Веселовской осуществлялось за счет несправедливого распределения, присвоения ресурсов других станций («махинаций»): «В других МТС тракторный парк тогда изнашивался, даже сокращался, – в Веселовской МТС, у Пислегина, рос. МТС, особенно степные, страдали из-за того, что ветшали постройки, требовали капитального ремонта, а строительных материалов не было, – Пислегин строился» [1. С. 12]. Высоких показателей дохода пислегинская МТС добивалась, используя непрофильную деятельность хоздоговорных предприятий («коммерции», «торговлишки»): тайной свинофермы в степях Казахстана, рыболовецкой бригады, заводика по ремонту колесных пар железнодорожного транспорта. Пислегину близок Паустов, который добивается нужных показателей разведением серебристых лисиц. Такой тип руководства использует несовершенство административно-хозяйственных механизмов и поддерживает его, разрушая чувство социальной справедливости.

Недостатки системы до начала реформ определяют отношение к общему делу рядовых исполнителей, различные варианты которого выражают коллизии Мохова и Еремеева. Отношение бригады Мохова к задачам коллектива – инертное. Планирование не реальных показателей урожайности, а абстрактных показателей выработки отчуждает работников от результатов труда, порождает безразличие: «Трактористы, не надеясь на резкий перелом в делах колхоза, не принимали в них никакого участия, хотя и числились колхозниками, получали гарантийный минимум деньгами и зерном и к большому не стремились» [1. С. 32–33].

Отсутствие материальных стимулов определяет стратегию социального поведения возрастной моховской бригады – пассивное приспособление к условиям, ограничение усилий, прикладываемых к работе. Личные приоритеты переносятся в частную сферу: Мохов использует должностное положение в личных целях, статус передовика – для получения побрякушек.

Молодая бригада Еремеева, напротив, деятельна. Но стагнация социальной системы лишает молодежь актуальных ценностных ориентиров, которые бы регламентировали, направляли ее жизненную энергию в созидательное русло, – порождает недисциплинированность, безответственность и халатность.

Представления о причинах несовершенства колхозной жизни расширяет коллизия Фоминых. Очерк «День Арсения Петровича» выражает редуцированную оценку последствий сталинской диктатуры, определявшей мышление и принципы деятельности должностных лиц.

Степень участия Фоминых в жизни района ограничена оперативным руководством, решением сиюминутных проблем: «Связаться, договориться,

распределить, запросить, поговорить, поднажать – на все это у него были незаурядные способности»; «...как влиять <...> на хозяйство и культуру района так, чтобы это и в будущем оставило след, – над этим Арсений Петрович не задумывался» [1. С. 60, 62]. Первый секретарь лишь исполняет директивы вышестоящей инстанции (обкома), не способен к проявлению инициативы. Это определяет низкую адаптивность Фоминых к динамике условий (страх неожиданного), неготовность к самостоятельным решениям.

Кризис Пислегина и Мохова раскрывается на этапе отчуждения героев от сверхличного целого. В фабуле этот момент представлен как их отстранение от обязанностей (социального творчества). Коллизии Фоминых и Еремеева направлены на избежание отчуждения.

Механизм отчуждения – утрата доверия со стороны людей. Социум (общество) составляет высшую моральную инстанцию, коллективный субъект этической оценки индивида. Эта оценка складывается в ходе социальной коммуникации (обсуждения) и воплощается в общественном мнении: от лица людей выносит моральные суждения Башлаков; общественное предубеждение задает исходный момент кризиса Мохова и Еремеева; страх общественного осуждения сопровождает внутренний кризис Фоминых. Основание доверия человеку со стороны социума – соответствие его действий коллективным представлениям о справедливости – равенстве обязанностей людей (и предоставляемых им возможностей) в пространстве общего дела.

Причина социального отчуждения Пислегина – узкоэгоистические мотивы, скрывающиеся за мнимой заботой о благе своего предприятия. Отстранение Мохова венчает кризис доверия к герою со стороны других бригад станции¹. Неготовность к изменениям, с которой их встречает Фоминых, обусловливает эгоистическое чувство страха личной ответственности, когда ситуация требует от него волевого решения: исполнить требование областного руководства, избежав возможного срыва посевной, но потерять доверие людей или продолжить начатое.

Каждому из героев предоставлена возможность преодоления кризиса. Кризис Мохова и Фоминых раскрывается во внутреннем плане психологических состояний и самосознания. Герои зависимы от общественного мнения, остро ощущают возникшие противоречия между личностью и социумом, что составляет основу их самоопределения.

Внутреннее перерождение Мохова стимулировано ситуацией испытания (перевод на периферию социального действия – в ремонтные мастерские), но обеспечивается объективными процессами, изменением социальных условий. Постановление «о дальнейшем улучшении работы МТС», преодолевая «однажды установившийся порядок», мотивирует людей к участию в общем деле: «Вот то самое, чем можно раскатать стариков его бригады, поднять их и показать всем, что значит настоящая работа!» [1. С. 39].

Фабульно разрешению внутреннего конфликта Фоминых способствует разговор с Поздняковым, который проходит тот же путь раньше. Принимая

¹ «...Самого его не любили, и даже действительные заслуги и достижения моховской бригады – все объяснялось «блатом», всех моховцев звали “подсевалами” и “выскачками”» [1. С. 35].

на себя всю полноту ответственности за подчиненных, доверившихся ему людей, и доверяясь им сам, герой приобретает внутреннюю цельность.

Драматический конфликт Пислегина не переходит во внутренний план. Испытание не активизирует в герое процесс самосознания, выявляет его неспособность заново приобщиться к общему делу.

В «Пробуждении великана» система персонажей организована социальной функцией: интеллигенция, рабочие, крестьяне, духовенство, бывшие феодалы и предприниматели. Социальная структура воспроизводит структуру процессов преобразований. В образах персонажей конкретизирован коллективный образ сословий.

Интеллигенция представлена преимущественно учеными. В очерках действуют или упоминаются несколько десятков профессоров и специалистов¹. Среди них как представители естественных и технических наук, так и гуманитарии – филологи, историки, искусствоведы: деятельность первых служит технологической модернизации, вторых – формированию и поддержанию в обществе национально-исторического и культурного сознания. Этой задаче также способствуют деятели искусства – писатели и художники². В очерках приводятся имена ученых, первооткрывателей, инженеров, мастеров искусств древности – подчеркивается преемственность развития научной мысли, технологии и культуры современного Китая³.

Персонажи-ученые сочетают научную работу с общественно-политической деятельностью, просвещением и литературой, – занимают активную социальную позицию: профессор Чжоу Юн-сянь, заведомо рукописей куньминской библиотеки, «ученый-книжник» и просветитель, в прошлом – революционер-подпольщик («Библиотечный работник Чжоу»), профессор Гао Ши-чи, микробиолог, детский писатель, депутат Всенародного собрания народных представителей КНР («Человек в коляске»), историк, филолог, писатель, участник Сычуаньского восстания 1911 г. профессор Ли Те-жень («Сычуань и ее река») и др.

¹ Профессор-историк Чжоу Юн-сянь, ботаник У Чицзюнь, металлург Дай Жуй-чжэн, историк Ли Юань-ян («Библиотечный работник Чжоу»), Чжу Го-куй, один из руководителей института по подготовке национальных кадров в городе Юньнань («Институт национальностей»), заведующий ботаническим садом Цай Си-тао, профессор Ян Кунь, президент АН КНР, историк и поэт Го Мо-жо, ректор Куньминского университета, филолог Ли Гуан-тянь, профессор Цунь Шу-шэнь, убитые гоминдановцами правовед и писатель Ли Гунн-пу, профессор-филолог Вэнь И-до («Университет»), профессор Ду Го-сян («Университет», «Монах»), профессор-искусствовед Чэнь Лян-тэн («Монах»), профессор Гао Ши-чи («Человек в коляске»), инженер Цзинь Бао-шунь («Рабочий Чжэн Син-нянь»), профессор Ли Те-жень («Университет», «Сычуань и ее река»), профессор-гидролог Сюэ Пэй-юань («Сычуань и ее река»), инженер, фольклорист и историк судоходства на Янцзы Тянь Хай-янь («От Чунцина до Уханя»), инженеры Хуан Хуай-чжэнь, Чэнь Цзи-шэн, редактор газеты «Народная Янцзы» Евэн-сян («Длинная река водное хозяйство комитет»). В очерке «Длинная река водное хозяйство комитет» действуют персонажи – советские ученые: инженеры Скачков, Малиновский, Дмитриевский, Менабде, почвовед Шувалов.

² Писатели Мао Дунь, Ли Гунн-пу («Университет»), Сунн Юнь-бинь («Монах»), Цзэн Кэ («Сычуань и ее река»), «От Чунцина до Уханя»), художник Ци Бай-ши («Монах»).

³ Путешественник Сюй, мореплаватель Чжэн Хэ, поэт Му Гуан, философ Су Си-цзян («Библиотечный работник Чжоу»), металлург и геолог Дай Жуй-чжэн («Университет»), строитель оросительной системы в Гуаньсяне Ли Бин, мастер-краснодеревщик Чжан, художник Хэ Шао-ди («Монах»), поэт Ду Фу («Монах», «Сычуань и ее река», «От Чунцина до Уханя»), резчик и столяр Лу Бань, философ Мо Цзы, поэт Цюй Юань («От Чунцина до Уханя»).

Рабочие и крестьяне представлены обобщенно, как трудящиеся массы – единый коллективный субъект социального действия¹. Они персонифицированы в нескольких образах: строителя лоянского тракторного завода Чжэн Син-няня («Рабочий Чжэн Син-нянь»), старого крестьянина Лэя Ло-ганя («Старик Лэй»), капитана Мо Цзя-юя («От Чунцина до Уханя»). Класс духовенства воплощает настоятель храма в Ханчжоу Синь Кун («Монах»). Образы господствующих сословий режима Чан Кай-ши – помещиков и капиталистов – даны обобщенно. Все персонажи – сложившиеся к фабульному времени. Их становление происходит в прошлом и дано в ретроспекции.

Ученые проходят путь самоопределения в отношении революционной борьбы. Как символ приобщения интеллектуальной элиты к сверхличному целому в очерке «Университет» приводится история «Железного потока» – эвакуации в Куньмин университетов Пекина, Тяньцзиня и Нанкина в начале антияпонской войны 1937–1945 гг.: «Мне называли имена уже немолодых профессоров, убежденных сторонников «чистой науки», «чистого искусства» и, как говорят в Китае, поклонников «единственной красоты» <...> которые, совершив переход, пришли не только в Куньмин – они пришли прямо к революции. Они «сбросили свои халаты», то есть приблизились к народу» [2. С. 24]. Чувство социального долга возвращает ученых из эмиграции², включает интеллигенцию в строительство нового общества.

Крестьяне совершают выбор между единоличным хозяйством и коллективным. Выбор в пользу кооперации – прагматический. Разделение труда в крестьянском кооперативе облегчает индивидуальное существование (труд перестает быть непосильным) и создает условия для развития личности (появляется возможность открывать школы). Старик Лэй возвращается в колхоз, поскольку думает о будущем своих детей: «Пока люди не работают все вместе, у каждого забота только о своем собственном осле и о своей фанзе. Еще – о своей земле. Вот думаешь, как бы не прогадать, как бы побольше земли оставить детям вокруг своей могилы. А как сделать детей умными людьми, чтобы они были умнее стариков, – об этом вовсе не думаешь...» [2. С. 71].

Рабочими движет классовое сознание: «Китайцы очень скромны, но они гордятся своей принадлежностью к рабочему классу» [2. С. 53]. Скромность – моральное качество, осознание человеком обязанностей перед другими, которое придает ему чувство собственного достоинства, наделяет смыслом индивидуальное существование. Бывший землекоп, работавший на американских расхитителей древних гробниц, Чжэн Син-нянь предлагает свои навыки для общего дела, поскольку волнуется, чтобы строители «не провалились в могилы». Пожилой капитан Мо Цзя-юй возвращается в речной

¹ Описание порта в очерке «Чунцин»: «...Нельзя было не поразиться тому, как плотно друг к другу двигались в разных направлениях люди с тяжелой поклажей. Не верилось, казалось невозможным, чтобы в этом грохоте и гуле, в этом непрерывном движении существовал хоть какой-то порядок, а между тем, сколько бы вы ни смотрели вниз, вы нигде не замечали ни малейших признаков неорганизованности, беспорядка, толчеи» [2. С. 88].

² Профессор медицины Фань Бин-чжэ, профессор математики Сюн Цинн-лай, профессор механики и аэродинамики Цянь Сюй-тэнь («Университет национальностей»).

флот, поскольку его лоцманский опыт нужен для промышленного освоения бассейна Янцзы.

Духовенство после падения Чан Кай-ши утрачивает прежние социальные функции: все меньше людей постригается в монахи, поскольку исчезает необходимость прятаться за стенами монастыря от несправедливости социальной жизни. Перед буддистской церковью встает необходимость определения позиции в новых условиях: отказ от исключительного права на исповедование истины и сосредоточение на задачах сохранения культурного наследия, поддержания общественной морали.

Бывшие феодалы и капиталисты подвергаются перевоспитанию. Они отказываются от притязаний на социальное господство, помогают коммунистической власти своими знаниями и управленческим опытом в осуществлении реформ¹.

Социальные отношения в КНР непротиворечивые, поскольку в их основе лежит совместный труд и взаимопомощь: «Ничто другое так не сближает людей между собой, как труд, трудовая помощь одного человека другому» [2. С. 13]. Внутренняя цельность персонажей – гипертрофированная. Коллективистический идеал социальной жизни определяет мышление, формирует предельно ясное отношение к реальности: моральные максимы в суждениях переводчика Хуана о различных ситуациях, увиденных в пути («Изречения Хуана»).

Восприятие природы С. Залыгиным в 1950-е гг. ограничено окружающей средой. В этом – «узком» – значении она дифференцируется на органическую (живую) и неорганическую (косную). Первая представлена стихией земли (почвы), вторая – воды. Обе стихии изображаются в своей предметной конкретности как объект технологического воздействия социума: удобрение полей, освоение целинных земель и осушение болот в «Весной нынешнего года», гидротехническое строительство в «Пробуждении великана».

Земля составляет пространство растительной жизни, основой которой является вода, дающая почве плодородие. Одновременно водная стихия воплощает и разрушительное начало (наводнение 1954 г. в Ухане): «Они (реки. – П.К.) несут людям жизнь. Люди расселяются по берегам рек, чтобы водою напоить свои поля. Но то и дело реки, будто требуя расплаты от людей, несут им смерть. Люди платят, но не уходят от рек прочь» [2. С. 128].

Отношение человека к природе – прагматическое, так как он нуждается в ресурсах жизнедеятельности. В предметное поле очерков входят несколько способов технологического воздействия на природу: 1) технология земледелия; 2) мелиоративная технология; 3) технология гидроэнергетики.

Земледельческая технология – органическая. С одной стороны, она определяется естественными законами, ритмами природы («Все спеет осенью – хлеб, фрукты, трава. Земля спеет весной» [1. С. 29]). С другой стороны, сама земля нуждается в человеке, поскольку возделывание почвы способствует реализации ее предназначения – родить.

¹ Государственно-частная судоходная компания «Миыншэн» – «Дело народа» («От Чунцина до Уханя»).

Убеждение во взаимной необходимости человека и земли определяет императив землепользования. Он предусматривает, во-первых, сплошное (комплексное) освоение земельного фонда¹. Во-вторых, – восстановительные мероприятия. В очерке «Когда начинается посевная?» приводится цитата А.И. Воейкова² о двух способах землепользования, противопоставляемых как должный и не должный: «Человек пользуется землей двояким образом: 1) не возвращая взятого, или *снимая сливки* ... и 2) возвращая взятое, так, чтобы плодородие земли постоянно поддерживалось» [1. С. 25]. «Возвращение земле» составляет «нравственную обязанность» человека, существующего за счет земли и потому ответственного перед ней; в ответ земля дает человеку еще больше благ³.

Гидростроительные технологии предполагают коренное преобразование природного пространства – активное вмешательство в естественные процессы, подчинение их человеческой воле. Цель мелиоративных преобразований земель – как в повышении эффективности земледельческой технологии (орошение), так и в укрощении враждебной к человеку стихии, предотвращении ее губительных проявлений (строительство дамб, плотин, каналов). Гидроэнергетика делает следующий шаг – осваивает энергию стихии, ставит ее на службу человеку⁴.

Автор восхищается гигантскими оросительными системами, построенными в древнем Китае, – памятниками инженерной мысли (система «Дуцзяньян» в Сычуани, 250 лет до н.э.). В восприятии С. Залыгина, искусственный канал, отводящий воду из реки Миньцзян, органически вписан в ландшафт, являет совершенное единство технологического и природного. Устройство системы орошения предотвращает засоление почв, эрозию, однако потери воды в канале, последствия изменения русла реки для климата и экологии региона пока не учитываются в оценках. Так же не критически, с восторгом описывается проект будущей ГЭС на Янцзы – самой большой в мире⁵.

«Восстановительная» стратегия землепользования пока сосуществует в мировоззрении С. Залыгина с технократическим проектом преобразования ландшафта, образуя парадоксальный синтез. Писатель верит в возможность гармоничного взаимодействия природы и человека на основе разума.

¹ «А все ли мы делаем сейчас для своей земли, для сказочно плодородных сибирских черноземов, для удивительных болот на севере, которые уже через год-два после осушения способны приносить огромные урожаи не только трав, но и льна, и зерновых культур?» [1. С. 26].

² Воейков Александр Иванович (1842–1916), русский ученый-метеоролог и климатолог, создатель сельскохозяйственной метеорологии.

³ «Восстановительную» стратегию воплощает сельскохозяйственная традиция в Китае: «Эта особенность китайского земледелия – возвращать земле все, взятое из нее, – позволяет поддерживать высокое плодородие в течение тысячелетий при сборе нескольких урожаев ежегодно» [2. С. 82].

⁴ «Если верить легенде, вода кипит в этих скалах с тех самых пор, как в ущелья, возникшие от ударов молний, устремились воды сказочного Внутреннего Сычуаньского моря. Это – если верить легенде. Если же верить действительности, то, верно, уже миллионы лет ни днем ни ночью ни на минуту не умолкает здесь стихия, а в годы полноводные, в разливы, они бушуют еще сильнее. Теперь, если верить будущему – очень недалекому будущему, – воды Янцзы стихнут в ее ущельях навсегда. Будут построены плотины – одна, две, может быть, целый каскад, на скалы ущелий обопрутся плечами железобетонные плотины, а вода устремится в аванкамеры электростанций» [2. С. 105].

⁵ Проектная мощность – 20–29 миллионов киловатт (в 5–7 раз больше мощности Красноярской и Братской ГЭС), объем водохранилища – 100 кубокилометров.

Экологические противоречия не входят в поле рефлексии. Представление о них – абстрактное, основывается на догматической посылке (представления исторического материализма о стадиях общественной эволюции). Разрушение природы в ходе хозяйственной деятельности – атрибут капиталистической формации (дореволюционная Россия, западные страны), и не свойственны социалистической системе. Причины экологических проблем редуцируются до социально-экономических (хищничество класса собственников – кулаков и капиталистов)¹.

Поэтика очерков С. Залыгина 1950-х гг. диктуется как конъюнктурными моментами (социальное задание), так и особенностями мировоззрения писателя на раннем этапе творчества.

Очерк о «необычном директоре МТС» (Иване Павловиче Горбачеве, молотом директоре Коноваловской МТС Тарского района Омской области) главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский поручает С. Залыгину написать по итогам Пленума ЦК в феврале – марте 1954 г., когда от печати требуется широкое освещение процессов реформирования колхозов. В Пекин С. Залыгин прибывает 18 октября 1956 г. на юбилейные дни, посвященные двадцатилетию со дня смерти «китайского Горького» – Лу Синя². Участие в делегации Союза писателей СССР предполагает выполнение творческого задания – изображение процессов преобразований в ходе первой китайской пятилетки. На восприятие и оценку увиденного влияет социальная роль – представитель советской литературы³. При этом сам порядок и аспекты знакомства с современным Китаем определены официальным характером визита: программа пребывания ограничивает пределы видения, скрывает реальные противоречия китайской действительности.

В мировоззрении С. Залыгина еще нет представления о реальной сложности жизни и человека; в поэтике очерков не воссоздаются целостность и полнота реальности, пока понимаемой только как социальная. Общество предстает как механизм, составные элементы которого (индивиды и социальные группы) порождают общее движение. Его цель определяет иерархию ценностей, в которой коллективное доминирует над индивидуальным, личностная реализация оказывается возможной только через подчинение общественному предназначению. Проявления человека ограничиваются исполнением социальной функции. Реальность природы не входит в поле зрения сама по себе (имманентно), рассматривается как пространство социального действия и как объект технологического воздействия социума. Точку зрения писателя на реальность определяет утопизм мышления. Он формируется в 1930-е гг. и основан на осознанном убеждении в возможностях разумного устройства жизни.

¹ «...Там, где начинают преобладать предпринимательство и личные интересы, не только у американцев, а у всех и всегда возникали недоразумения с техникой» [2. С. 114].

² Лу Синь (Чжоу Шужень) (25 сентября 1881 – 19 октября 1936) – китайский писатель, родоначальник современной китайской литературы.

³ Журналистика и литература СССР пропагандируют советско-китайскую дружбу до охлаждения отношений с конца 1959 г. (провал политики «большого скачка» и расхождение руководителей СССР и КНР во взглядах на пути построения социализма).

Усложнение картины мира происходит в начале 1960-х. Переломным становится 1961 г., когда в «Новом мире» выходит статья «Писатель и Сибирь» [11]. Здесь формируются основы натурфилософии; открытие в природном космосе бытийных законов существования, философское осмысление природы человека, его места в бытии способствуют постепенному преодолению социальных и технократических иллюзий.

Литература

1. Залыгин С. Весной 1954 года: очерки // Залыгин С.П. Очерки и рассказы. М., 1955. С. 3–82. Содерж.: Знакомство с Башлаковым; Разговор с Пислегиным; Когда начинается посевная?; Бригадиры; День Арсения Петровича.
2. Залыгин С.П. Пробуждение великана: Очерки о Китае. Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. 131 с. Содерж.: Библиотечный работник Чжоу; Институт национальностей; Университет; Человек в коляске; Монах; Изречения Хуана; Рабочий Чжэн Син-нянь; Старик Лэй; На Янцзы; Сычуань и ее река; Чунцин; От Чунцина до Уханя; Длинная река водное хозяйство комитет.
3. Яновский Н.Н. Сергей Залыгин: критико-биограф. очерк. Кемерово: Кн. изд-во, 1965. 95 с.
4. Сафронова Е.А. Творчество С. Залыгина: Путь к мастерству: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1966. 13 с.
5. Колесникова Г.А. Сергей Залыгин: Творческая биография. М.: Сов. писатель, 1969. 256 с.
6. Теракопян Л.А. Сергей Залыгин. Писатель и герои. М.: Сов. Россия, 1973. 200 с.
7. Нуйкин А. Зрелость художника: Очерк творчества С. Залыгина. М.: Сов. писатель, 1984. 344 с.
8. Дедков И.А. Сергей Залыгин. М.: Современник, 1985. 431 с.
9. Стровский Д.Л. История отечественной журналистики новейшего периода: лекции по курсу. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 271 с.
10. Овсянян Р.П. В лабиринтах истории отечественной журналистики: Век XX. М.: РИП-холдинг, 2001. 316 с.
11. Залыгин С.П. Писатель и Сибирь // Новый мир. 1961. № 10. С. 25–36.